

ШЛАГИ И ШЕСТЕРЕНКИ

Владимир **Аренев**

Вячеслав **Бакулин**

Ника **Батхен**

Владимир **Венгловский**

Майк **Гелприн**

Грэй Ф. **Грин**

Дарья **Зарубина**

Роман **Злотников**

Александр **Золотько**

Вера **Камша**

Олег **Кудрин**

Эйлин **О'Коннор**

Сергей **Раткевич**

Элеонора **Раткевич**

Дмитрий **Силлов**

Владимир **Свержин**

Антон **Тудаков**

ШПАГИ И ШЕСТЕРЕНКИ

СОСТАВИТЕЛИ
ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН, ЛЮДМИЛА ДЕМИНА

ЖАН
РЫ
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш83

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Составители — Вячеслав Бакулин, Людмила Демина

Художник — Султан Галимзянов

Ш83 **Шаги и шестеренки** : [фантастические повести, рассказы] / составители Вячеслав Бакулин, Людмила Демина. — Москва: АСТ, 2015. — 480 с.

ISBN 978-5-17-089754-4

Лондонский туман по-прежнему холоден и густ. В нем одинаково легко тонут дворцы и трущобы, горести и радости, слова любви и призывы о помощи.

Чей силуэт промелькнул в тусклом свете газовых фонарей — гениального механика или благородного вора? Обнищавшего дворянина или богатого призрака? Человека со стальной рукой или куклы с человеческим сердцем? А может, это просто неугомонный инспектор Скотланд-Ярда охотится на инопланетян, обосновавшихся по адресу: Бейкер-стрит, 221Б?

В столице Империи и среди африканского вельды, на просторах Черного моря и в снегах Санкт-Петербурга, в затерянных гротах и океанских глубинах ни на миг не прекращается извечное противостояние: традиции против прогресса, новаторство против архаики, шаги против шестеренок.

Элегантно! Эксцентрично! Эпохально!

Увы, о том, кто победит, вряд ли напишут в «Таймс»...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089754-4

© В. Бакулин, Л. Демина, составление, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Владимир Венгловский
ДЕТИ ЛУНЫ И ТУМАНА

«В день летнего солнцестояния почетные члены клуба Механиков сэра Джон Редмонд и сэра Эван Броуди совершат повторное испытание сконструированной ими машины пространства. Первое, как помнят наши читатели, в прошлом году завершилось катастрофой — взорвался паровой котел. Тела смелых механиков были восстановлены за счет клуба.

«Сочетание механики и алхимии творит чудеса, — заявляют изобретатели. — Сегодня мы сможем проложить путь в иные миры и расширим границы Британской империи! Слава королеве!»

«Таймс», Лондон, 1895 г.

* * *

Ночь превращает Город в загадку. Пронизанная туманом мгла расползается по подворотням, вспыхивают газовые фонари, подмигивают огнями закрывающиеся окна. Улицы, столь оживленные днем, пустеют, отдавая власть в Городе шуршащим дубовым листьям. Листья сыплются безостановочно, будто их целыми охапками сбрасывают с зависшего над Городом дирижабля. Гонимые ветром, они разлетаются по каменным мостовым, цепляются за железные паутины оград, укрывают коричневыми лоскутами паровые дилижан-

сы. Плывут игрушечными корабликами по темной воде Грейт-Уз.

Я люблю стоять на старом мосту, ведущем за город. Восточная часть Города, уже давно ставшая моей тюрьмой, светится россыпью звезд. На западе возвышаются черные остовы горелых кварталов. Впереди, за мостом, туманная неизвестность. В ночной тишине ветер шелестит среди дубовой рощи, до которой мне никогда не добраться.

Но кроме рощи я вижу залитую лунным светом туманную дорогу. Я знаю, что в действительности ее нет, что это лишь мираж иного мира, едва заметный, но таинственно-прекрасный, который, не переставая, зовет меня к себе.

— Тебе тоже нравится это место.

Добрый Малый Робин подошел как всегда неслышно. Только что мост был пуст, и вот уже закутанная в старомодный зеленый плащ фигура с шутовским колпаком на голове стоит у меня за спиной.

— Словно мир разделен надвое: добро и зло, ночь и день, — продолжил Робин, подойдя ближе и перегнувшись через каменные перила. — Нарушь хрупкое равновесие — и всё изменится, никогда не будет прежним. Так же, как вы изменили свой старый мир. Так же, как ты хотел изменить этот.

— В том мире я бы спас Элизабет.

— Спас? Или запер бы за шестеренками и электрическими проводами? — Робин смахнул с перил дубовый лист и тот, кружась, опустился в воду. — Я видел, как она уходила по лунной дороге, но, к своему удивлению, снова встретил ее этим вечером среди сгоревших домов.

— Не может быть, — сказал я и повторил: — Не может быть. Бетти умерла. Похоронена в семейном склепе. Ее больше нет.

— Ты не веришь мне, человек? Тогда защищайся!

Робин выхватил из-под плаща шпагу. Гарду блеснувшего холодным лунным светом клинка обвивала вечнозеленая ветвь. Каждый раз, когда мы фехтовали с Робинем, мне казалось, что ветвь выглядит по-другому, отображая настроение владельца шпаги. В этот раз она оцетинилась шипами терновника.

Я увернулся от выпада, выхватил клинок из своей трости, парировал следующий удар. В правой руке — шпага, в левой — ножны, в которые превратилась часть трости. При определенной сноровке они могут послужить дубинкой. Робин сражался, намотав длинный плащ на левую руку. Его школа фехтования была странной. Он подпрыгивал, словно кузнечик, казалось, даже зависал в воздухе, нападал неожиданно, не так, как фехтуют люди, рисковал и открывался, чтобы провести красивый прием. Но в то же время был неуязвим. Мы фехтовали, а мысли о Бетти не давали мне сосредоточиться. Плащ Робина дрожал перед глазами, превращал противника в зеленое размытое пятно.

Я не мог верить шуту Оберона, славившемуся своими выходками. Не должен был верить. Народу луны и тумана, шутникам и моим тюремщикам, вообще нельзя доверять. Но игнорировать слова Доброго Малого я не мог.

Мы не были с ним друзьями — ведь нельзя дружить с рекой или деревом, силы природы живут сами по себе. Но с недавних пор ему нравилось гулять вместе со мной. Он являлся незванным и пропадал, не прощаясь. Может быть, Робину просто не хватало собеседников среди людей, и он не хотел упускать возможность поболтать с человеком, который мог его видеть.

Выпад, парирование! Звон клинков! Робин фехтовал с нечеловеческой быстротой. Мне казалось, что он может легко проткнуть меня шпагой, но пока ни один из его выпадов не достиг цели. Зато я нанес меткий удар. Разрезанный плащ Робина затрепетал на его руке двумя зелеными лоскутами. Робин отпрянул.

— Ты славно фехтуешь, Джон! — Он опустил шпагу. — Твои механизмы дают тебе хорошую быстроту и реакцию.

Я тоже опустил оружие и шагнул к Робину.

— Но не добавляют тебе хитрости! — Робин резко взмахнул шпагой, метя мне в лицо.

Увернуться или парировать выпад я не успел, клинок оставил на лбу царапину и разрезал ремешок монокуляра. Прибор слетел с головы, звякнул о камни.

— Никогда не доверяй противнику, — засмеялся Робин.

Теперь я его не видел, и смех, казалось, доносился отовсюду. Я взмахнул шпагой, стараясь задеть невидимку, но это было бесполезно. Шут Оберона наслаждался положением.

— Никогда не верь детям луны и тумана. Верь только себе!

Острие его шпаги укололо меня в правую руку, я выронил оружие. Наотмашь взмахнул ножнами, отгоняя противника, пригнулся, надеясь поднять монокуляр, но Робин отбросил его в сторону.

— Ты слаб, сэр Джон. Твои механизмы тебе не помогут!

Я вскинул руку на голос, на смех своего тюремщика. Громко щелкнула пружина спрятанного в рукаве самострела, и тяжелая железная стрела просвистела в воздухе. Послышался вскрик. Будто наткнувшись на что-то, стрела остановилась, а затем медленно опустилась к мосту.

— Дурак! — прошипел Робин.

Я подобрал монокуляр, по стеклу которого теперь пробежала трещина, и прижал к глазу.

— Глупец! — Шут Оберона бился на камнях, как раненый пестрый зимородок.

Из его груди торчала стрела. Я бросился к Робину, склонился, приложил к ране носовой платок, вмиг окрасившийся кровью. Казалось, что за нами наблюдают тысячи лиц. Они скрывались в ветре и воде, прятались среди темноты. Над далеким лесом поднимались черные великаны.

— Сейчас, потерпи, — бормотал я.

Рана, пробившая сердце, смертельна. Там, в своем мире, я мог бы заменить сердце на механический насос, кровь вновь побежала бы по сосудам Робина, но что я могу здесь? Только создавать заводные карусели и игрушки на потеху публике, поднимать желающих на дирижабль — пародию на огромные воздушные корабли моего мира, и конструировать паровые дилижансы, которые развалятся, едва пересекут черту Города.

— Славно я тебя напугал, человек, — вдруг улыбнулся Робин.

Он сел, выдернул стрелу из груди, отбросил в сторону. Она покатилась по камням и с всплеском упала в воду.

— Хорошая шутка, — сказал Робин, но его лицо было неестественно бледным.

Он протянул мне руку. Я отвернулся, поднял шпагу, выпрямился и спрятал оружие в трость.

— Да ладно тебе, Джон, — улыбнулся Робин. — Подумаешь, эка невидаль, в который раз меня уже убивают. Шута Оберона не подстрелить, словно куропатку. И вообще нам с тобой не привыкать к смерти.

Я отряхнул пальто.

— Ты шутил насчет Бетти?

— Нет, сэръ Джон, я был совершенно серьезен. Я видел Элизабет сегодня на рассвете. Она шла в то время, когда утреннее солнце встретилось на небе с луной, и еще сверкали последние звезды, но Элизабет не замечала этой красоты. Ее глаза были пусты, а шаги, как у куклы-марионетки, которую дергают за ниточки.

— Она шла в глубь горелых кварталов?

— Возможно, — пожал плечами Робин. — Я не следил — мне было не до этого — меня ждала прекрасная Оливия, чьи крылья тонки, как ветер, а тело обольстительно, как июльская роза. И — да, Элизабет ни капельки не изменилась, будто не прошло шести лет, во время которых ты в одиночестве блуждаешь ночными улицами, хотя вокруг столько красивых женщин.

— Я должен ее найти.

— Как хочешь, — пожал плечами Робин и спрыгнул с моста во тьму.

Всплеска воды я так и не услышал.

* * *

Особняк достался мне после свадьбы с Бетти. Это был ее фамильный дом: большой, могучий, словно выросший корнями в Город, он непоколебимо стоял с момента своего основания сэром Ольмером — пра-пра-прадедушкой Элизабет и, казалось, простоит здесь еще не одну тысячу лет. С множеством комнат и просторными мастерскими в подвалах — владениями Маккензи. Именно во дворе этой усадьбы мы оказались, когда сломалась наша машина пространства. Элизабет увидела нас первой.

Помню испуг в ее глазах и белое платье, залитое чаем, — от неожиданности Бетти выплеснула на себя содержимое чашки.

— Хотите чаю, джентльмены? — спросила она, когда мы выбрались из машины, которая ухала и плевалась паром, как металлический зверь. У колес извивался оторванный хвост с костяными шипами. Он медленно таял в воздухе, оставляя после себя росу на траве.

Восстановить нашу машину мы так и не смогли. Она упорно отказывалась работать. Эфир не хотел охлаждаться в змеевике. Когда решалась эта проблема, отказывал паровой котел, и Маккензи, ругаясь на древнеирландском, нырял в его недра. Наконец, когда котел начинал кашлять и выпускать клубы пара, обнаруживалось, что сбились настройки вычислительной машины, и нужно вновь проводить калибровку. После опять не работала система подачи эфира.

Маккензи, мой слуга и мой друг, третий член нашей команды, пытается починить машину до сих пор.

Город покинуть мы не смогли. Стоит пересечь невидимую черту, как паровые котлы перестают работать, механические дилижансы останавливаются, а дирижабли падают. Наши механизированные тела распадаются на отдельные детали.

Раз за разом я восстанавливал Эвана после каждой его неудачной попытки бежать из Города. Эван — лучший механик, которого я знаю. Вместе с ним мы сконструировали машину пространства. Но порой он бывает таким упрямым!

«Сегодня обязательно получится», — говорил он с сумасшедшим блеском в глазах.

«В этот раз я точно пойму, что нас не пускает».

Заброшенная мастерская, где Эван делал часы, что заводились сами по себе и выпускали летать по комнатам механических кукушек. Боль и отчаянье. Груда окровавленной плоти и механизмов, которые носят порядковые номера Эвана Бродуди. Снова боль и отчаянье, и новые попытки уйти, ставшие навязчивой идеей.

В поисках виновников наших неудач, мой компаньон ополчился на весь Город, теперь его называют Безумным Часовщиком. Редко кто отважится зайти в горелые кварталы, в

которых он обосновался. Говорят, что скоро должны прислать военный отряд, чтобы выкурить его оттуда.

Я смирился. Тихая жизнь семьянина в провинциальном городке, механические игрушки и паровые экипажи, передвигающиеся в пределах Города, карусели по праздникам — маленькая индустриальная революция в замкнутом пространстве.

Через три года супружеской жизни Элизабет умерла от туберкулеза, а я не смог ее спасти.

— Доброй ночи, сэр! — вышел мне навстречу Маккензи с перевязанной рукой, на его плече сидел Гарольд. — Или уже утро? Вам нужно брать меня с собой, не ровен час, ваши ночные прогулки могут плачевно закончиться. У вас лоб поцарапан.

— Гар-р-рольд! — прокаркал механический ворон и растрепал клювом рыжие кудри Маккензи. — Гар-р-рольд! Др-р-раконы справа!

— Не беспокойся, Маккензи, — сказал я, стирая со лба кровь. — Что у тебя с рукой?

— Снова змеевик соскочил, забери его баньши! — ухмыльнулся Маккензи. — Удивлен, как мы с нашей старушкой еще не докончили друг друга.

— Падаем! — заорал Гарольд. — Пр-р-риборы! Пр-р-риборы! Др-р-раконы справа!

В голову птицы прочно въелся момент катастрофы.

— Собирайся, — сказал я Маккензи. — Возьми с собой тот маленький домкрат, удобный для переноски.

— Прямо сейчас? — спросил Маккензи.

— Да.

— Хорошо.

Маккензи подхватил свой ящичек с инструментами. Я заметил, как он спрятал под куртку револьвер.

— На всякий случай, — пояснил он, заметив мой взгляд. — По ночам нынче опасно ходить, забери его баньши. Поедем на дилижансе, сэр?

— Нет, не стоит привлекать лишнее внимание.

Мы вышли в ночь. До кладбища было идти несколько кварталов. На брусчатой мостовой колыхались круги света от газовых фонарей. Сухие листья падали под ноги и вновь

взмывали к светильникам стаями мертвых бабочек. По хорошо знакомой улице можно идти с закрытыми глазами, в любой момент зная, где ты сейчас находишься, и что скрывается за каждой дверью.

Возле наклоненного фонаря прочные дубовые двери алхимической лавки старика Ллойда. По сравнению с моим прошлым миром, здешняя алхимия — детские потуги сотворить что-то нужное. Здесь не происходит реакция кристаллизации света, здесь с помощью алхимических рун нельзя привязать человеческую сущность к механизмам.

Дальше — резные двери булочной мадам Баттерфляй. Бетти очень любила ее сдобу, но переживала из-за того, что может излишне поправиться. На углу двенадцатой и десятой-стрит, как обычно, дежурит Джеймс Тенн, втягивает голову в плечи, словно нахохлившийся воробей.

— Ветрено сегодня, сэр! — поприветствовал меня полисмен, отдавая честь. — Куда вы ночью?

— По делам, Джеймс.

— Следите за пауками, вечером одного видели в табачном переулке.

— Мы будем очень осторожны. Счастливого дежурства.

Когда показалась кладбищенская ограда, на луну напозло вуалью полупрозрачное облако. Часы на ратуше — творение Эвана — пробили три раза.

— Др-р-раконы! — оглушительно закричал Гарольд, за что получил от Маккензи по клюву.

— Сэр, — обратился Маккензи ко мне, приглаживая рыжие кудри, — не нравится мне всё это. Может, скажете, куда и зачем мы идем? От этого места бросает в дрожь, за-бери его баньши! Говорят, что именно в таких местах можно встретить лунный народец.

Я, не останавливаясь, шел дальше.

— Сэр, вы верите в лунный народец? — догнал меня Маккензи.

Я неопределенно пожал плечами, открывая скрипнувшие ворота.

— Я не верю, но говорят... Сэр, вы только не смейтесь, но говорят, что это они не выпускают нас из Города. Не хотят, чтобы мы меняли этот мир. И еще говорят, что лунный народ

обитает на границе между мирами живых и мертвых. Через их земли ведет лунная дорога, по которой уходят души умерших. Вы верите в эти сказки, сэр? Нет? А вот Часовщик, то есть, простите, сэр Броуди, верит. Все эти его пауки... Ваш друг объявил войну лунному народу. Его механизмы ползют по Городу и ищут, ищут...

— Помолчи, — бросил я.

— Но, сэр, — продолжил шепотом Маккензи, — вы говорили, что драконы, напавшие на нас во время путешествия, это только игры нашего сознания. Что лунная дорога, которая чудится умирающим, — это лишь галлюцинации. Но мне всё больше вспоминается, что наша машина двигалась по ней... По лунной дороге на границе миров. И нас не пустили. Нас оставили в живых, но теперь не выпускают из Города.

— Мы давно умерли, Маккензи, или ты забыл? Мы существуем благодаря науке, и ей должны верить.

— Помню. — Маккензи поднял левую руку и посмотрел на вытатуированный ниже запястья номер, который присваивался восстановленным.

Все наши детали именные.

На ветке раскидистого дуба возле фамильного склепа Элизабет сидел Добрый Малый Робин и покачивал ногой.

— Вот и вы! — поприветствовал он нас, спрыгивая на землю. — Я уже устал ждать.

— Сэр, еще говорят, что лунный народец видят только мертвые, — не унимался Маккензи. Когда ему было не по себе, он начинал излишне болтать. — А Часовщик считает, что их можно увидеть с помощью оптических приборов... Если правильно настроить, заведи его баньши. Как думаете, сэр, это всё сказки?

Я посмотрел на улыбающееся лицо Робина и сказал:

— Наверное. Иди за мной.

Мы вошли в склеп. Возле саркофага Элизабет стоял букет засохших осенних хризантем, который я принес на прошлой неделе.

— Открой крышку, — приказал я Маккензи.

— Сэр, вы точно уверены, что это необходимо? Не надо, сэр, пожалуйста.

Казалось, что Маккензи готов расплакаться.

Я сам установил домкрат и с помощью Маккензи отодвинул тяжелую каменную плиту. Саркофаг был пуст. Тело Элизабет исчезло.

— Опускай, — приказал я и вышел на свежий воздух.

Сквозь ветви дуба светила луна, среди надгробий блуждали лунные зайчики.

— Убедился? — спросил Робин. — Что теперь будешь делать?

— Маккензи! — прокричал я.

Голос сорвался, я прокашлялся и уже спокойно сказал вышедшему следом за мной слуге:

— Мы идем в горелые кварталы. Искать Бетти.

* * *

— Сэр, вы думаете, что Бетти, простите, миссис Элизабет, восстановил Часовщик? — спросил Маккензи, когда мы подходили к горелым кварталам. — То есть, пытался восстановить. Наверное, он не хотел верить, что здесь это не получится. Просто чудо, сэр, что мы продолжаем с вами жить.

— Замолчи, — сказал я.

— Он должен был давно похитить ее тело. С самых похорон, забери его баньши!

— Ты можешь заткнуться! — Я остановился и закрыл глаза.

Ночь, завладевшая Городом, успокаивала. Я чувствовал ее ритм, ее дыхание, словно всё окружающее было единым механизмом. Где-то цокали невидимые шестеренки, будто накручивая пружину ночи. Позади, на грани сна и яви, виднелась фигура Робина.

— Простите, сэр, — прошептал Маккензи.

— Это ты меня извини, — сказал я, открывая глаза и глубоко вдыхая холодный ночной воздух. — Идем, время не ждет. Как ты думаешь, зачем он это сделал?

— Кто?

— Эван.

— Не знаю, сэр. Наверное, хотел обрадовать вас. Или доказать самому себе, что способен... Что и здесь можно, если очень захотеть. А скорее всего...

— Что?

— Думаю, что он был влюблен в миссис Элизабет, но она выбрала вас.

Я остановился.

— Это правда?

Маккензи опустил взгляд.

— Только слепой этого мог не заметить. Простите, сэр. В миссис Элизабет трудно было не влюбиться.

Он обогнал меня и пошел в темноту. Последний фонарь дрожал слабым огоньком посреди улицы. Дальше начинались горелые кварталы. Невидимая пружина ночи продолжала захватываться, щелкали ее механизмы.

— Берегитесь, сэр! — Маккензи оттолкнул меня и схватил револьвер.

Гарольд, громко хлопая крыльями, сорвался с его плеча и скрылся в темноте.

Выстрел прозвучал едва слышно, от глушителя на стволе револьвера Маккензи отлетело облачко пепла, и разрывная пуля попала в выползшего из темноты паука. Бэмц! — металлический панцирь лопнул, его словно вскрыло изнутри, во все стороны брызнули осколки. Меня чиркнуло по щеке. Зазвенело и посыпалось фонарное стекло. Паука приподняло над землей и швырнуло обратно. Оторванная клешня полетела мне под ноги.

— Вы ранены? — вскрикнул Маккензи.

— Ерунда.

Лапы паука шевелились. Механизм Безумного Часовщика пытался подняться, из дыры в его раскуроченном панцире с шипением выходил пар.

— Осторожнее, сэр, он может взорваться!

Творения Эвана можно было встретить повсюду. Они ползали по улицам, забирались в дома, пугая народ. По слухам, убивали тех, кто пытался им мешать, хотя людская молва любит всё приукрасить. Не думаю, что это правда. Вычислители пауков были настроены лишь на одну задачу. Говорят, что в глубине горелых кварталов Безумный Часовщик созда-